

Е. А. Исакова, О. А. Михайлова
Екатеринбург, Россия

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДРУГОГО В МЕДИАРЕПОРТАЖЕ
(на примере персонажа «Полицейские»)**

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена одному из актуальных жанров современных СМИ — репортажу. Предметом изучения является жанровая разновидность репортажа, в центре которого находится не отдельное событие, а «мир Другого», далекий от целевой аудитории печатного издания. Для анализа привлечены тексты о полицейских из журнала «Русский репортер» за 2012—2014 гг. Цель исследования — выявление смыслов, конструирующих образ персонажа-полицейского как Другого. Методологической основой исследования являются категория идентичности и оппозиция «свой/чужой». Изучение эмпирической базы производилось на основе следующих методов: лингвистического анализа текста, контекстологического и семантического анализа лексики.*

В результате анализа было доказано, что базовый признак для дистанцирования персонажей от аудитории — принадлежность к профессии, которая выбирается героем по внутренним побуждениям. Полицейского характеризует особая связь со структурой полиции и солидарность с коллегами, а также следование определенным правилам — профессиональным моральным нормам, которые организуют мир полицейских и выступают критерием для разграничения «свой — чужой». Конструирование образа полицейского как Другого осуществляется через внешность, речь и модель коммуникативного поведения героя. При этом в представлении персонажей отсутствует одномерность. Ведущая авторская стратегия в репортаже о Другом — разрушение негативных стереотипов, связанных с профессией полицейского, и смягчение отношения к персонажам. Основным средством реализации в тексте авторской стратегии являются диалоги.

Результаты исследования позволяют углубить понимание категорий идентичности и толерантности; могут быть использованы в изучении жанров СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиарепортаж; идентичность; «Другой»; стереотип.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Михайлова Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: oamih@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Исакова Елена Александровна, аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: mbarts@mail.ru.

Репортаж — один из актуальных современных жанров отечественных СМИ. Журналист Д. Виноградов в блоге «Репортаж из букв», посвященном изучению этого жанра, так характеризует его тематику: «О чем, собственно, мы „докладываем“ читателю? О том, куда читатель в силу разных причин не попал, а то и вовсе попасть не может» [Виноградов]. «Репортер в своем рассказе как бы строит мост между читателем и неким удаленным от него местом», причем расстояние, лежащее в основе текста, может быть как географическим, так и социальным. Применяя при описании таких явлений термин «параллельные миры», исследователь пишет: «Действие репортажа может происходить в том же городе, где живет читатель, и даже в его же районе (доме, подъезде). Но рассказывать при этом о таких жизненных явлениях, о которых он никогда не слышал, и поучаствовать в них не может именно в силу своего места в обществе» [Там же].

Это наблюдение может быть переосмыслено с более глубоких, когнитологических позиций. Современный репортаж часто нацелен не только на сообщение о событии, но и на знакомство аудитории с другой сферой жизни и персонажами, для описания которых оказывается релевантным термин «Другой». Иначе говоря, автор репортажа, стараясь заинтересовать адресата, обращается к так называемому параллельному миру — миру Другого, т. е. выбирает незнакомую читателю среду и персонажей, отличающихся от потенци-

альной аудитории по каким-либо признакам. Вследствие этого в тексте репортажа значимыми становятся категории *Другой, идентичность*, а также оппозиция *свой / чужой*.

Термин «Другой» сегодня активно функционирует в науках гуманитарного цикла (см. обзор: [Езерник, Железняк, Кондаков, Салимовский 2007: 5—23]) и в общем виде определяется так: «Другой — то, что не есть Я, то есть „иное“, представленное, однако, в отношении ко мне и для меня» [Другой].

Материалом для нашего исследования послужили тексты рубрики «Репортаж» журнала «Русский репортер» за 2012—2014 гг. Целевая аудитория журнала — это представители российского среднего класса [Виноградов], которым не безразличны социальные проблемы и пути их решения. Героями рубрики «Репортаж», соответственно, становятся люди, удаленные от целевой аудитории по тому или иному «идентификационному фактору» [Рябов 2001]: возрасту, полу, этнической, социальной, профессиональной принадлежности и др. Поэтому параметры «идентификационной матрицы» (т. е. совокупности идентификационных факторов, лежащих в основе категоризационных процессов сознания [Микляева, Румянцева]) являются основанием для классификации признаков *Другого*:

1) по этнической принадлежности: например, жители Республики Дагестан (В. Емельяненко, «Лезгинка с выездом», «РР», № 42 от 24.10.2012) или

малочисленная народность юкагиров (Ш. Буртин, «Предпоследние из юкагиров», «РР», № 50 от 25.12.2013), выходцы из бывших советских республик, в том числе работающие в России (Ю. Гутова, «Работство в Москве», «РР», № 48 от 06.12.2012) и др.;

2) субкультурной принадлежности: рок-музыканты и люди, увлекающиеся этой музыкой (Н. Зайцева, «Ебургский клубняк», «РР», № 48 от 05.12.2012), футбольные фанаты (В. Емельяненко, «Лезгинка с выездом», «РР», № 42 от 24.10.2012) и др.;

3) профессиональной принадлежности: полицейские (Ю. Гутова, «Убойный гуманизм», «РР», № 43 от 31.10.2012), чиновники, бизнесмены и топ-менеджеры (Ю. Гутова, «Людк, а Людк! Глянь че делается», «РР», № 49 от 12.12.2013),

4) гендерной принадлежности: например, женщины в декретном отпуске (А. Лонская, «Супермама против швабры», «РР», № 3 от 23.01.14), а также

5) социальной: маргиналы — люди с заболеваниями, в том числе наркотической или иной зависимостью (М. Ахмедова, «Место подвига», «РР», № 49 от 13.12.2012), материально необеспеченные и социально неблагополучные (М. Ахмедова, «Едрит-мадрит!», «РР», № 48 от 05.12.2013), осужденные (Ю. Гутова, «Размножение и наказание», «РР», № 13 от 02.04.2012).

Данный список, безусловно, может быть продолжен. Кроме того, возможны материалы, персонажи которых отличаются от целевой аудитории по нескольким факторам одновременно.

Цель нашего исследования — выявление смыслов, на основании которых герои репортажа воспринимаются как *Другие* и ассоциируются со своей особой средой, отдаленной от целевой аудитории.

В качестве примера взят репортаж Ю. Гутовой «Убойный гуманизм» («РР», № 43 от 31.10.2012). Текст посвящен полиции, и в нем показана без купюр «очередная рабочая неделя» «оперов убойного отдела» (город умышленно не называется). Очевидно, что базовым признаком для дистанцирования персонажей от аудитории выступает их профессиональная принадлежность. В центре внимания автора находится «параллельный мир» полицейских — профессии, отягощенной в российском обществе множеством негативных стереотипов — «неких устойчивых, минимизировано-инвариантных, обусловленных национально-культурной спецификой представлений» [Красных 2007: 232] (о стереотипах см. также: [Рыжков 1985; Сорокин 1985; Прохоров 1996; Бартминовский 2005] и др.). Стереотипы как стандартное мнение о социальных группах, в нашем случае — о полицейских, отражены в первую очередь в анекдотах (см., например: [Зальялова 2007]) и представлены следующими негативными характеристиками: коррупция, бескультурье, жестокое обращение с подозреваемыми и заключенными, использование незаконных методов в работе и др.

Идея противопоставленности персонажа-полицейского и адресата эксплицируется в подзаголовке репортажа: «Убойный гуманизм. Почему настоящий полицейский не должен быть нормальным человеком». Столкновение лексических значений прилагательных «настоящий» (поли-

цейский) и «нормальный» (человек) имплицитно актуализирует смысл «полицейский не является нормальным человеком». Прилагательное «настоящий» в данном контексте выступает в значении «действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-нибудь» [Ожегов, Шведова 2005: 395], а прилагательное «нормальный» — в значении «соответствующий норме, обычный» [Ожегов, Шведова 2005: 421]. Необходимо учитывать и второе значение слова «нормальный» — «психически здоровый» [Там же], которое сообщает дополнительные смыслы, противопоставляя полицейского не только обычным людям, но и людям без психических отклонений.

Известно, что идентификация и противопоставление *свой / чужой* создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании [Михайлова 2004: 17]. В репортаже Ю. Гутовой негативные стереотипные представления касаются практически всех характеристик личности и служат показателями инаковости персонажа. Они очерчены системой подзаголовков текста («*Кого защищать*», «*Что носить*», «*Где жить*», «*Что любить*», «*Что делать*», «*Как говорить*» и др.) и становятся своеобразным стержнем композиции репортажа.

Как уже было сказано, сотрудники убойного отдела противопоставлены обычному человеку просто на основании профессии — того, с чем им приходится сталкиваться каждый день: трупы, жестокие убийства, ограбления пожилых женщин, совершаемые наркоманами и др. Например, автор приводит рассказ одной из героинь: *У бабы царяпины по всему телу — до кости, вот такая! — с азартом рассказывает Маша коллегам ранним утром после дежурства, ночью она выезжала на место убийства. — Мужик говорит, это собака разодрала. Гематом на шее нет, но хрен знает! Может, подушкой задушили, может, у нее там газета запихнута в глотку.*

Однако основное значение, как нам кажется, приобретает не сам фактор профессии, а реакция полицейских на то, с чем они сталкиваются. Это может быть азарт, как в приведенном выше фрагменте, или цинизм: *Я могу смеяться, когда рядом труп, — говорит опер Пуся, дымя сигаретой. — Если кто-то хорошо пошутил. Даже если в этой комнате родственники погибшего.*

Вместе с тем в представлении персонажей отсутствует одномерность. Корреспондент, наряду с типичными признаками, поддерживающими стереотипные негативные представления о полицейских, отмечает обычные, человеческие качества своих героев. Так, следом за репликой одного из полицейских — Лени — *Его бы застрелить! Одна пуля в коленку, вторая в голову дана такая характеристика полицейского: Ему еще нет тридцати. Его жена — терапевт, лучший друг — травматолог. Он любит футбол и никогда не простреливал преступникам коленки.* Подобный прием контраста как средство разрушения стереотипа используется автором неоднократно.

Показатель инаковости находим в описании внешности героев. В обыденном представлении полицейские — это люди в форме. Однако герои репортажа одеты по форме только однажды —

в ситуации построения перед проверяющей комиссией. Отношение к форме у полицейских резко отрицательное (*Потому что она говно. Пошье говно, материал говно*), их постоянная служебная одежда, которую описывает журналист, достаточно символична: *На квадратной фигуре Пуся голубые джинсы в обlipку, на ногах белые кроссовки — стиль девяностых*. Здесь звучит намек на то, что полицейский, будучи исключенным из круга «своих» для читателей, может быть включен в круг «своих» для преступников и бандитов, атрибутами которых и были в девяностые голубые джинсы и белые кроссовки. Этот намек получит в дальнейшем развитие.

В целом внешний облик полицейских, представленный корреспондентом, несимпатичен для читателя. Для дистанцирования автор заостряет внимание на ситуативном поведении одного из персонажей — Пети: *Пуся выпил полбутылки виски. Он стоит у Лениной машины и ест шаурму без салфетки. Майонез течет по губам.<...> — Мой отец, знаешь, что расказывал? — вязкий майонез размазывается по пальцам, мешается со слюнями, скатывается по Пусиным губам, как лава по вулкану... Вместе с тем с целью смягчения негативного впечатления автор приводит реплику самого полицейского: *Смотри, какой я отвратительный! <...> Могу рыгнуть, если надо*. Эта реплика героя, на наш взгляд, сигнализирует о том, что полицейский воспринимает корреспондента как человека из мира «Других» и стремится продемонстрировать, что он тоже знает о негативных стереотипах и может, «если надо», им соответствовать. Персонаж избирает конфликтную тактику поведения, нарочито подчеркивая неряшливость в своем облике. Авторская же стратегия связана с разрушением стереотипа.*

При описании внешнего вида, чтобы отвлечь читателя от стереотипного восприятия образа полицейского, автор также использует прием контраста и высвечивает совершенно неожиданные черты: у Лени небесно-голубые глаза, а также *умиротворяющий голос и буддистская улыбка*, а у другого героя — Пети — *пухлая белая ручка, и все называют его Пусей — от нежности*.

В идентификационную матрицу инаковости персонажей-полицейских включена и речь героев репортажа. Корреспондент воспроизводит их особый язык, куда входят 1) лексические единицы официально-деловой и полицейско-юридической сфер: *плановый ежегодный смотр и проверка состояния автотранспорта; жалоба за жестокое обращение; преступление; жертва* и т. п. 2) профессиональные жаргонизмы, многие из которых зафиксированы в «Большом словаре русского жаргона» с пометами «угол.» или «мил.»: *наркот* [БСРЖ: 376], *опер* [БСРЖ: 398], *легалый* [БСРЖ: 312, 326] и др.; 3) грубые просторечные единицы и обцензизмы, имеющие в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» пометы «бранное», «грубое», «вульгарное» или «нецензурное»: *хренов* [БСР: 686], *пидор* [БСР: 437], *сука* [БСР: 593], *дерьмо* [БСР: 141] и др.

Однако и речевая характеристика героев лишена однозначных оценок. Во фрагменте «Как

говорить» корреспондент приводит диалог, в котором персонаж имеет возможность дать собственные объяснения.

— *Пуся, почему ты столько материшься?*

— *Вот как тебе объяснить... Тебе все скажут: я обычно не матерюсь вообще. Но я не люблю, когда меня записывают. Я вижу, когда ты включаешь диктофон. И я не люблю! У меня есть принцип: я не верю никому, я не верю своей жене, я сам себя по три раза на день обманываю. Это не из-за того, что я не доверяю людям. А из-за того, что работа меня уже научила... <...> И я не должен быть хорошеньким. Легко хорошенькому сесть на шею, да? А ты попробуй плохенькому соври, попробуй его обмани, попробуй от него поскрывавайся!*

Здесь открыто выражено стремление героя соответствовать стереотипным представлениям о злом, жестоком полицейском, который никому не доверяет и которому страшно сказать неправду. И причиной такого коммуникативного поведения является именно профессия (*Работа меня уже научила*).

Основным средством реализации в тексте авторской стратегии, направленной на разрушение стереотипов и смягчение отношения к персонажам, являются именно диалоги, которые дают возможность героям, во-первых, самим охарактеризовать себя и свою среду, а во-вторых, подчеркнуть показатели инаковости.

Для полицейских важна крепкая связь с профессией и коллегами, т. е. со «своим кругом», четко противопоставленным кругу «других». Например, Маша, которая *увольнялась из полиции, полгода проработала помощником адвоката, но вернулась обратно*, объясняет: *Там другой мир, другие люди, я от той жизни с ума сойду*. Та же мысль звучит в словах Пети, который чувствует глубокую солидарность со своими коллегами — *ментами* (*За мента я горло переерызу, потому что это мой коллега*), с гордостью рассказывает о своих родных (отец Пети был милиционером, бабушка некоторое время работала в этой структуре, а прадед — *это вообще, ... это мой идеал — был энкавэдэшником*) и считает себя и двоюродного брата *единственными, кто остались, продолжателями рода: Когда мы собираемся с родственниками вместе, все ох...ют, когда мы начинаем говорить о своей работе... <...> потому что мы понимаем друг друга, а остальные нас не понимают*.

Полицейские, как показывает Ю. Гутова, испытывают внутреннюю потребность в своей профессии, которая помогает им выжить. Ср.: *У меня мама как начнет зудеть, я говорю: „Маман, что ты на меня бухтишь? Может быть, меня убьют завтра“. И все, дебаты закончились... Наверное, Маша была бы в собственных глазах просто одинокой выпивающей матерью, если бы не работа в полиции, жизнь рядом с преступлением и смертью. И что при гражданской работе отвечать вечно зудящей маман? Или: Если бы не миссия продолжателя милицейского рода, Пуся мог быть просто алкоголиком*.

Своеобразный смысловой центр текста образует ряд диалогов корреспондента с разными героями, позволяющих очертить границы «мира

полицейских» и дающих примерное представление о его устройстве.

Отталкиваясь от негативного отношения к полицейским (*Почему люди так не любят полицию?*), автор и Леня пытаются определить место полиции в системе других государственных структур. Полицейские сближаются не с врачами или учителями, а с чиновниками — по наличию власти и денег (*...У полицейских, как у чиновников, сила, они тоже берут взятки, зарабатывают деньги. Земельный опер может ездить на очень дорогой машине*). И этот фактор определяет известное отношение населения к полицейским.

Однако сотрудники убойного отдела, по мнению Лени, отличаются от прочих полицейских, как и от чиновников: *И у нас тоже все это прекрасно делать. Человек убил кого-нибудь — можно попросить с него пару миллионов и отпустить, правильно ведь, по логике? Но у нас такого почему-то нет. И никогда не было — так повелось.* «Опер» может нарушать какие-то правила, но в целом он живет особой моралью — моралью убойного отдела, в котором занимают не банальными какими-то преступлениями, как кражи, угоны машин, а убийствами, изнасилованиями — когда человека лишают достоинства, жизни. Эта мораль, как мы узнаем из дальнейшего разговора корреспондента с «операми», запрещает *бить пьяного, которого жалко как человека*, позволяет *колоть задержанных... исключительно психологически*. В условиях, когда «милиция и общепринятая мораль — вещи в принципе несовместимые», «потому что ты работаешь с людьми, которые переступили мораль», эти правила убойного отдела играют решающую роль. Здесь получает развитие сравнение с бандитами, живущими «по понятиям». Сравнение с бандой через лексему «понятия», с одной стороны, может восприниматься как негативное, но, с другой стороны, наличие негласных норм, правил, а не беспринципность — это положительная характеристика персонажей-полицейских.

Для героев существует некая условная черта. Переступивший ее полицейский выводится из круга своих. Включаясь в беседу по поводу негативного отношения к полицейским, усилившегося на фоне нашумевшего ранее случая, Петя объясняет:

— *Эти опера в Казани, которые пытались задержанного бутылкой, — говорит он, — я предполагаю, они были пьяные или под наркотиками. Они переступили грань. А когда человек переступает грань — все, он мне не кент, не мент. Все, он мне не товарищ, не коллега.*

Герой, испытывающий гордость за милицию и своего отца, очень жалеет, что эта структура сегодня утратила доверие граждан (*Раньше больше милиции доверяли*), потеряла авторитет как у обычных людей (*Раньше мент... когда ходил в форме, никто не смел взглянуть косо*), так и у преступников (*Все воры, все бандиты... знали, что нельзя трогать мента. Это такое правило*). Как считает Петя, это произошло как раз по вине полицейских, переступивших черту, которые раньше встречались редко и исключались из круга своих самой милицией, а теперь стали обычным явлением (*А сейчас что? Остались ты, да*

я, да мы с тобой). Оперативник, хотя и пытается это скрыть, горячо переживает по поводу того, что в обществе сложился такой стереотип, потому что в полиции *есть еще до хренищи нормальных парней*.

Сегодняшнюю ситуацию полицейские объясняют тем, что *в милиции работать некому*, а это значит, что ее функцию, важную, в обществе выполнять некому, и обращаются к тем, кто критикует полицейских: *Что же хоть один из них не идет к нам работать? Когда реально нужно решать проблемы, где они все?* Подобный авторский ход, на наш взгляд, также служит средством ослабления негатива и способствует размытию границ между «своими» и «чужими».

В финальном фрагменте репортажа автор продолжает и развивает мысль о настоящем, хорошем полицейском: *В опере должно быть главное качество, — говорит Калинин. — Чтобы он работал, ему должно быть не все равно. Главное качество, которое передается только от человека к человеку, в коллективе, связано с традицией обучения старшими младших.*

Итак, жанр репортажа позволяет выявить смыслы, с помощью которых конструируется мир Другого, в частности мир полицейских. Во-первых, полицейские — люди, связанные с особой профессией, выбирающие ее в силу определенных внутренних причин и вырабатывающие своеобразное отношение к работе и окружающему миру. Во-вторых, принадлежность к профессии накладывает отпечаток на внешность героя, его речь и модель коммуникативного поведения, а также, вероятно, на образ жизни в целом и ее восприятие. В-третьих, полицейского характеризует особая тесная связь со своим миром и солидарность с коллегами, а также следование определенным правилам, являющимся стержнем профессии. Эти правила — принятые в полиции моральные нормы — организуют устройство мира полицейских и выступают критерием для разграничения в рамках оппозиции «свой — чужой». Наконец, настоящий полицейский, как считают персонажи, имеет активную позицию, решительно настроен на борьбу с преступниками, т. е. не может относиться к работе безразлично.

Репортаж Ю. Гутовой, основанный на дистанцировании читателя и героев по профессиональному признаку, вместе с тем нацелен на разрушение существующих негативных стереотипов о полицейских и возможное сближение читателя с людьми такой профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Другой // Философский словарь URL: <http://www.philosophydic.ru/drugoj> (дата обращения: 30.09.2014).
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М.: ЭЛПИС, 2005.
3. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. — М.: Индрик, 2005.
4. Виноградов Д. Выбор темы для репортажа и где искать свежие темы // Репортаж из букв. URL: <http://report.livejournal.com/3836.html> (дата обращения: 26.09.2014).
5. Езерник Б., Железняк В. Н., Кондаков Б. В., Салимовский В. А. Проблема «Я и другой» в гуманитарных науках // Я и другой в пространстве текста: меж-

вуз. сб. науч. трудов / Перм. ун-т; Ун-т. в Любляне. — Пермь ; Любляна, 2007.

6. Зальялова Р. Р. Лингвокогнитивный аспект профессионального анекдота : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2007.

7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М. : Гнозис, 2003.

8. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. URL: http://humanpsy.ru/miklyeva/soc_ident_02 (дата обращения: 26.09.2014).

9. Михайлова О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. — Екатеринбург, 2004. С. 15—27.

10. Мокиенко В. П., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона = БСРЖ. — СПб. : Норинт, 2001.

11. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. — М., 1996.

12. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. — Куйбышев, 1985. С. 4—16.

13. Рябов О. В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. — М. : Ладомир, 2001.

14. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. — М., 1985.

15. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи = БСР. — СПб. : Норинт, 2004.

E. A. Isakova, O. A. Mikhaylova
Ekaterinburg, Russia

CONSTRUCTING THE IMAGE OF “THE OTHER” IN MEDIA REPORTAGE (on the example of the image of policeman)

ABSTRACT. *The article deals with one of the popular contemporary mass media genres — the genre of reportage. The object of the study is a genre variant of reportage, focused not on a certain event, but on the World of the Others, distant from the printed media readers. The authors use the “Russkiy Reporter” magazine texts about policemen to analyze this genre variant of reportage. The aim of research is to find out what meanings take part in constructing the image of a policeman as “the Other” (i.e. as a person from a different world). The methodological basis of the work is defined by the category of identity and the opposition of “own / alien”. The investigation of the empirical data was done by using such methods as linguistic text analysis, contextological analysis and semantic analysis of vocabulary.*

The article argues that the main feature used to put the characters at a distance from the readers is their affiliation to a certain profession (the profession of policeman) chosen by the policeman according to his inner motive. The policeman is characterized by some special relations with the police structure in general and the sense of solidarity toward colleagues as well as by professional moral standards, which organize the world of police and, based on the opposition “own / alien”, divide the members of this world. The construction of the image of policeman as “the Other” is effected through his appearance, manner of speech and communicative behavior model. And the character emerges as a multi dimensional image. The leading author’s strategy in reporting about the Other consists in destruction of negative stereotypes and mitigation of relationships between the readers and those who are presented as Others. Dialogues included in the texts play the main role in realization of this strategy.

The results of the investigation will help to develop true understanding of the categories of ‘identity’ and ‘tolerance’ and can be used in study of mass media genres.

KEY WORDS: *media reportage; identity; The Other; stereotype.*

ABOUT THE AUTHOR: *Mikhaylova Olga Alekseyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Isakova Elena Aleksandrovna, Post-graduate Student of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Drugoy // Filosofskiy slovar' URL: <http://www.philosophydic.ru/drugoj> (data obrashcheniya: 30.09.2014)

2. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M. : OOO «Izdatel'stvo ELPIS», 2005.

3. Bartmin'skiy E. Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike. M. : «Indrik», 2005.

4. Vinogradov D. Vyorbor temy dlya reportazha i gde iskat' svezhie temy // Reportazh iz bukv. URL: <http://to-report.livejournal.com/3836.html> (data obrashcheniya: 26.09.2014)

5. Ezernik B., Zheleznyak V. N., Kondakov B. V., Salimovskiy V. A. Problema «Ya i drugoy» v gumanitarnykh naukach // Ya i drugoy v prostranstve teksta: — mezhvuz. sb. nauch. trudov / Perm. un-t; Un-t. v Lyublyane. — Perm'-Lyublyana, 2007.

6. Zal'yalova R. R. Lingvokognitivnyy aspekt professional'nogo anekdota. avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2007.

7. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'?. — M. : ITD GK «Gnozis», 2003.

8. Miklyayeva A. V., Rumyantseva P. V. Sotsial'naya identichnost' lichnosti: soderzhanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya: SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2008. URL: http://humanpsy.ru/miklyayeva/soc_ident_02 (data obrashcheniya: 26.09.2014)

9. Mikhaylova O. A. Tolerantnost' v rechevoy kommunikatsii: kognitivnye, pragmaticheskie i eticheskie osnovaniya // Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii. Ekaterinburg, 2004. — S. 15—27.

10. Mokienko V. P., Nikitina T. G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. SPb. : «Norint», 2001.

11. Prokhorov Yu. E. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii

russskomu yazyku inostrantsev. M., 1996.

12. Ryzhkov V. A. Regulyativnaya funktsiya stereotipov // Znakovye problemy pis'mennoy komunikatsii. Mezhvuz. sb. nauch. tr. Kuybyshev, 1985. S. 4. — 16.

13. Ryabov O. V. «Matushka-Rus'»: Opyt gen-dernogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v

otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii. M. : Ladomir, 2001.

14. Sorokin Yu. A. Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta. M., 1985.

15. Khimik V. V. Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoj rechi. SPb : «Norint», 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.